

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

ГАЛИНА МАМА

ДЕТГИЗ 1947

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

ГАЛИНА МАМА

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Боровской

Текст ≈ 10 к. + рисунки

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

К РОДИТЕЛЯМ И ПЕДАГОГАМ

Издательство просит отзывы об этой
книжке сообщать по адресу: Москва,
Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

Для дошкольного возраста.

Ответственный редактор Л. Кон. Художественный редактор П. Суворов. Технический редактор И. Румянцева. Корректоры А. Вранич и М. Зубков.
Подписано к печати 18/VII 1947 г. 1^{1/2} п. л. (1,5 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз.
Л06082. Заказ № 657. Цена 1 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.

Глава первая

Есть на свете город Куйбышев. Это большой, красивый город. Улицы в нем зеленые, как сады, берега зеленые, как улицы, и дворы зеленые, как берега. 3

Под высоким берегом течет Волга. По Волге летом ходят пароходы и причаливают то к тому, то к другому берегу. 2

Во время войны в городе Куйбышеве жили девочка Галя, Галина мама и Галина бабушка — их всех троих эвакуировали из Ленинграда. 3

Галина бабушка была ничего себе, хорошая, но мама была еще лучше. Она была молодая, веселая и все понимала. Она так же, как Галя, любила бегать после дождя босиком, и смотреть картинки в старых журналах, и топить печку с открытой дверкой, хотя бабушка говорила, что от этого уходит на улицу все тепло.

Целую неделю Галина мама работала. Она рисовала на прозрачной бумаге очень красивые кружки, большие и маленькие, и проводила разные линеечки — жирные или тоненькие, как волосок. Это называлось чертить.

По воскресеньям Галя и мама ездили на пароходе на другой берег Волги. Волга была большая. Плыли по ней плоты и лодки, шел пароход, разгоняя в обе стороны длинные волны. А на берегу лежал волнистый мягкий песок, лез из воды упругий остролистый камыш с бархатными щеточками и летали в тени стрекозы, несли по воздуху свои узкие тельца на плоских, сиявших под солнцем крыльях. Там было так хорошо, как будто совсем нигде нет никакой войны.

Вечером Галя и мама гуляли по набережной. — Мама, машина! — кричала Галя. — Попроси!..

2
1 Галина мама медленно оборачивалась — не сидит ли у калитки бабушка. Если бабушки не было, она подымала руку.

Грузовик останавливался.

2 — Подвезите нас немножко, пожалуйста, — говорила мама. — Моей девочке так хочется покататься!

3 Люди на грузовике смеялись. Потом какой-нибудь грузчик или красноармеец, сидящий в кузове, протягивал сверху руку.

4 Грузовик подпрыгивал на ухабах. Мама и Галя сидели в открытом кузове на мешке с картошкой или на запасном колесе, обе в ситцевых платицах, сшитых бабушкой, и держали друг друга за руки.

2 Галя смеялась. Когда машину подбрасывало, она кричала: „Ой, мама! Ай, мама!“

2 Ей хотелось, чтобы видел весь двор, вся улица, весь город Куйбышев, как они с мамой катаются на машине.

2 Машина тряслась на неровном булыжнике мостовой. Их обдавало пылью.

1 — Спасибо, товарищи, — говорила мама.

1 Машина вздрагивала и останавливалась.

1 — Галя, скажи и ты спасибо.

1 — Спасибо! — кричала Галя, уже стоя на мостовой.

1 Вверху улыбались красноармейцы.

4 Один раз, когда Галя с мамой гуляли по улицам города Куйбышева, они увидели, как в трамвай, идущий к вокзалу, садились пятеро молодых красноармейцев в полном снаряжении. Должно быть, они уезжали на фронт.

4 Красноармейцев провожали колхозницы. Колхозницы плакали и целовали своих сыновей и братьев. Вся улица вокруг них как будто притихла. Люди останавливались и молча

2 покачивали головами. Многие женщины тихонько плакали.

2 И вот трамвай дрогнул. Нежно звеня, покати́л он по улицам города Куйбышева. За

1 ним побежали колхозницы, что-то крича и махая платками.

2 Галя с мамой стояли на краю тротуара и смотрели им вслед.

1 — Галя, — вдруг сказала мама, — я не хо-

2 тела тебе раньше говорить, но, наверно, уже пора сказать: я тоже скоро уйду на фронт.

2 — Уйдешь? — спросила Галя, и глаза у нее стали круглые и мокрые. — На фронт? Без меня?

Глава вторая

1 Через неделю Галя и бабушка провожали маму.

1 На вокзале толпились люди.

1 Бабушка подошла к пожилому военному и сказала:

3 — Товарищ военный, дочка моя на фронт едет. Единственная. Молоденькая совсем... Будьте уж столь любезны, если вы едете в этом поезде, не дайте ее в обиду.

2 — Напрасно, мамаша, беспокоитесь, — ответил военный. — Какая тут может быть обида!

2 — Ну, вот и хорошо! — сказала бабушка. — Благодарствуйте.

2 Стемнело. На вокзале зажглись огни. В их желтом свете сиял, как лед, сырой от дождя перрон.

2 Поезд тронулся. Бабушка побежала за вагоном. Она кричала: „Дочка моя! Доченька

2
1
2
2
4
моя дорогая!“, и хватала на бегу проводницу за рукав, как будто от нее зависело уберечь здоровье и счастье мамы.

А мама стояла в тамбуре за проводницей и говорила:

— Мамочка, не надо. Мамочка, оставь. Мамочка, я ведь не одна, неудобно... не надо, мамочка!

Поезд ушел в темноту. Галя и бабушка еще долго стояли на перроне и смотрели на красный убегающий огонек.

И тут только Галя поняла, что мама уехала, совсем уехала. Без нее. И громко заплакала. Бабушка взяла ее за руку и повела домой. Тихо-тихо повела. Бабушка не любила ходить быстро.

Глава третья

1
3
3
А мама в это время все ехала и ехала.

В вагоне было почти совсем темно. Только где-то под самым потолком светился, мигая, фонарь. И с той стороны вместе со светом шли облака махорочного дыма.

Все скамейки были уже заняты. Мама сидела на своем чемоданчике в коридоре вагона, увозившего ее на фронт. И ей виделось,

как бабушка бежит за поездом в своем раз-
вевающемся платке, и виделось ей круглое
личико Гали, ее растопыренные руки, паль-
тишко, перехваченное подмышками теплым
вязаным шарфом, и ножки в маленьких ту-
поносых калошах... И она шептала, как ба-
бушка: „Дочка моя, доченька моя дорогая!..“

Поезд шел мимо голых деревьев, шумел
колесами и катил вперед, все вперед — на
войну.

Глава четвертая

Есть на свете суровый, холодный край, на-
зываемый дальним Севером.

Там нет ни лесов, ни полей — есть одна
только тундра, вся затянутая ледяной корой.
Море, которое оmyвает этот студеный край,
называется Баренцовым. Это холодное море,
но в нем проходит теплое течение Гольф-
стрим, и от этого море не замерзает. Там стоял
во время войны наш Северный флот.

Галина мама получила приказ быть свя-
зисткой при штабе флота.

Штаб связи помещался в скале — в самой
настоящей серой гранитной скале. Матросы
вырубили в ней глубокую пещеру. У входа

3
всегда стоял часовой, а в глубине, под тяжелым сводом, девушки-связистки днем и ночью принимали и передавали шифровки.

3
„Вот если бы моя Галя увидела, куда я попала! — иногда думала Галина мама. — Какая тут пещера и какие скалы!.. Когда будет можно, я ей про это напишу“.

4
Но война шла, и писать о том, в какой пещере помещается штаб, было нельзя, да ей и некогда было писать длинные письма. То нужно было стоять на вахте, то дежурить на камбузе — так у флотских называется кухня, — то ехать по заданию начальника в город Мурманск или на полуостров Рыбачий, где держала оборону морская пехота и где шли в то время самые горячие бои.

Глава пятая

3
И вот однажды Галина мама поехала верхом на лошади отвозить важный пакет в боевую охрану Рыбачьего полуострова.

3
Вокруг нее было огромное белое поле, пустое и ровное. Только далеко, там, где земля упирается в небо, стояли неровными зубцами горы. Это был хребет Тунтури.

4
1
Нигде не росло ни деревца, ни кустарника. Снег и камень лежали на белой равнине. И шел по равнине колючий ветер и бил глаза лошаденке и Галиной маме. И так было пусто кругом! Даже птицы не было видно в синем небе.

2
2
Есть на свете такая суровая земля — наша, часть нашей родины. И за нее на войне проливали кровь.

2
Лошадь проваливалась в сугробах и уходила в талую воду по самое брюхо.

2
С правой стороны в тундру врезался залив. Берег был однообразный: щебень и галька.

2
— Ну, ты, пошла, пошла! — понукала Галина мама свою лошадку.

2
И вот они выбрались к самому заливу, лошадь со взмокшим брюхом и мама в разбухших от воды сапогах.

4
Залив был гладкий, как лист глянцевитой бумаги. Высокое, синее, поднималось над ними небо. От синевы щемило в глазах и в сердце — так чист, так спокоен был небесный купол.

3
И вдруг воздух дрогнул. Откуда-то со стороны Тунтурей прилетела мина. С грохотом брызнули в небо камни и снег.

2 Лошадь прижала уши, и мама почувствовала, как она дрожит.

4 — Ну, старушка родная, гони! — закричала мама и изо всех сил прищипорила лошадь. Лошадь дернулась, кинулась вскачь, хрипя и спотыкаясь. А вокруг них земля дрожала от новых взрывов.

3 Это немец, который засел на сопках, обстреливал сверху подходы к нашим землянкам, чтобы никто не мог ни подойти, ни подъехать к ним.

4 Не успела мама отъехать от первой воронки и десяти метров, как что-то словно стукнуло ее по плечу. Лошадь всхрапнула, взвилась на дыбы, а потом сразу упала на снег, подогнув передние ноги.

4 Мама сама не знала, долго ли она пролежала на снегу. Время было весеннее, солнце в тех краях весной и летом не заходит, и она не могла угадать, который теперь час. А часы у нее сломались.

4 Она очнулась не то от боли в плече, не то от холода, не то просто так. Очнулась и увидела, что лежит на взрытом снегу, рядом со своей убитой лошадкой.

2 Мама очень хотелось пить. Она пожевала снегу, потом потихоньку вынула ногу из стре-

мени, поднялась и пошла вперед. Рукав ее куртки совсем взмок от крови. Ее тошнило. Но мама не возвратилась в штаб и даже ни разу не обернулась, не подумала, что можно.

возвратиться. Она шла вперед, все вперед, одна в пустынном и белом поле. А вокруг нее тундра так и гудела от взрывов. Мерзлые комья взлетали до самого неба и, дробясь на куски, валились вниз.

Мама шла очень долго. Она с трудом переставляла ноги и думала только одно: „Ну,

1
еще десять шагов! Ну, еще пять! Ну, еще три!"

4
Она сама не поверила себе, когда увидела наконец, что беловато-серые зубцы гор совсем близко подступили к ней. Вот уже виден и желтый дым наших землянок. Еще сто раз шагнуть — и она пришла.

2
— Пришла!.. — сказала мама и упала в снег: ей стало совсем худо.

2
Минут через сорок бойцы заметили издали на снегу ее черную шапку-ушанку.

3
Когда маму подняли и понесли в санитарную часть, ее раненая рука упала с носилок и, словно мертвая, волоклась за ней по высоким снежным буграм.

2
В санчасти на маме разрезали куртку и под курткой нашли пакет, который она принесла из штаба.

Глава шестая

2
В Куйбышеве бабушка и Галя получили письмо — не от мамы, а от начальника госпиталя.

3
Сначала они очень испугались и долго не могли понять, что там написано. Но потом все-таки поняли, что Галина мама ранена,

1 упала с лошади и чуть не замерзла в снегу.

2 — Так я и знала! Так я и знала! — плача, говорила бабушка. — Чуяло мое сердце!

2 — Моя мама ранена, — рассказывала Галя во дворе. — Мы так и знали!

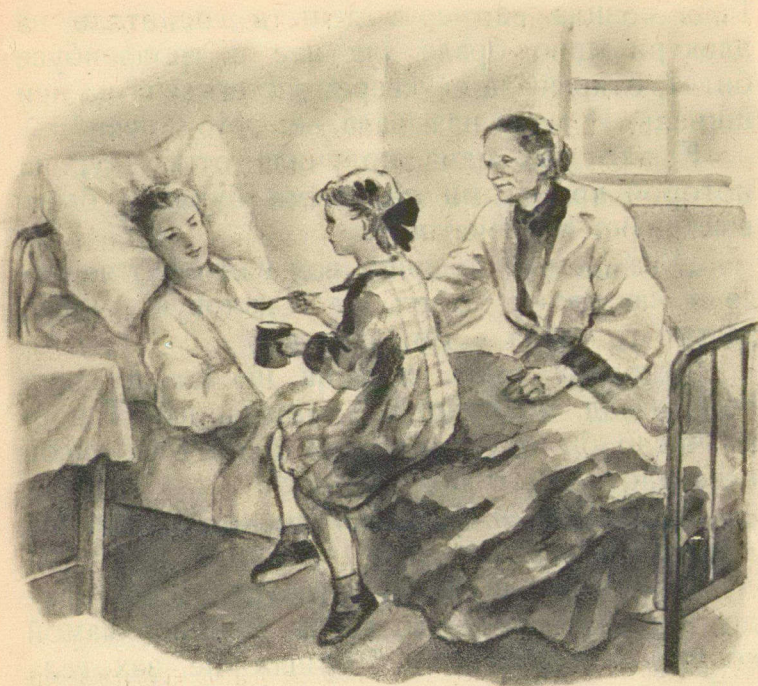
4 Соседские девочки, которые отправляли подарки бойцам на фронт, сшили для мамы кисет и вышили: „Смело в бой, отважный танкист!“ Они не знали, что Галина мама была связисткой.

3 Кисет с махоркой девочки отдали Галиной бабушке. Бабушка высыпала махорку и положила в кисет носовые платки, гребешок и зеркальце.

2 И Галя поехала с бабушкой в Москву, где лежала в госпитале мама.

4 Они остановились у родных, в Большом Каретном переулке, и каждый день ездили на троллейбусе номер десять навещать маму. Они возили ей клюквенный кисель в стакане, какао в термосе и вареные яйца.

4 Бабушка кормила маму с ложечки, потому что мамины больные, отмороженные руки еще не двигались. А Галя стояла рядом и уговаривала ее, как маленькую: „Ну, съешь еще немножечко! Ну, за меня! Ну, за бабушку!..“

Глава седьмая

И вот мама почти совсем поправилась. Ее выписали из госпиталя и дали ей отпуск на месяц. Она опять научилась быстро ходить и громко смеяться, только руки у нее еще не гнулись, и бабушка причесывала ее и одевала, как раньше одевала и причесывала Галю. А

4 Галя возила ее через день в госпиталь на электризацию, брала для нее в троллейбусе билет, открывала ей двери, застегивала на ней шинель. И мама называла ее: „Мои руки“.

2 Как-то раз мама получила открытку, на которой красивыми лиловыми буквами было выстукано по-печатному:

3 „Уважаемый товарищ, вам надлежит явиться в наградной отдел, на Скаковую улицу, такого-то числа в три часа дня“.

3 Открытка была послана несколько дней тому назад, но пришла с опозданием. Такое-то число было уже сегодня, а до трех часов оставалось всего полтора часа.

2 Мама, Галя и бабушка поскорей оделись и поехали на Скаковую улицу.

3 Они приехали без десяти три. Галя с трудом оттянула тяжелую дверь, и они с мамой вошли в подъезд. А бабушка не захотела войти.

2 — Я лучше здесь похожу, — сказала она. — Уж очень я волнуюсь.

4 У вешалки с мамы сняли шинель. А Галя сама сняла свой тулупчик, и тут всем стало видно, что под шинелью у мамы красивая парадная форма офицера военно-морского флота, а под тулупчиком у Гали — матросская

блуза, перешитая бабушкой из маминой краснофлотской фланелевки.

— Глядите-ка! Два моряка! — сказала гардеробщица.

Они поднялись по широкой лестнице. Впереди шла мама, осторожно неся свои руки в перевязках, а сзади — Галя.

За дверью сказали: „Прощу!“, и они вошли.

У стола сидел человек. Перед ним лежала белая коробочка. Все сияло на человеке: золотые погоны, два ряда пуговиц, золотые нашивки на рукавах и много орденов.

Галя и мама остановились у дверей.

Галя посмотрела на маму. Мама была так красиво причесана! Над воротом синей блузы виднелся край крахмального воротничка. Из бокового кармана блузы торчал платочек. А в кармане юбки — Галя это знала — лежал подарок куйбышевских ребят: кисет с надписью „Смело в бой, отважный танкист!“ Как жалко, что кисета не было видно!

Мама стояла навывтяжку. Рядом в матросской куртке стояла навывтяжку Галя.

Человек покашлял и взял коробочку. Он сказал:

— За ваши заслуги в борьбе с захватчиками... — и протянул коробочку.

4
3
2
1
1
1
2
Но мамины руки лежали в черных перевязках. Они были в рубцах и лилово-красных пятнах, похожих на ожоги. Они защищали родину, эти руки. На них остался багровый след ее холодов и вражеского огня. И человек, стоявший против мамы, на минуту задумался. Потом он шагнул вперед, подошел прямо к Гале и отдал коробочку ей.

— Возьми, девочка, — сказал он. — Ты можешь гордиться своей мамой.

— А я и горжусь! — ответила Галя.

Но тут мама вдруг отчеканила по-военному:

— Служу Советскому Союзу!

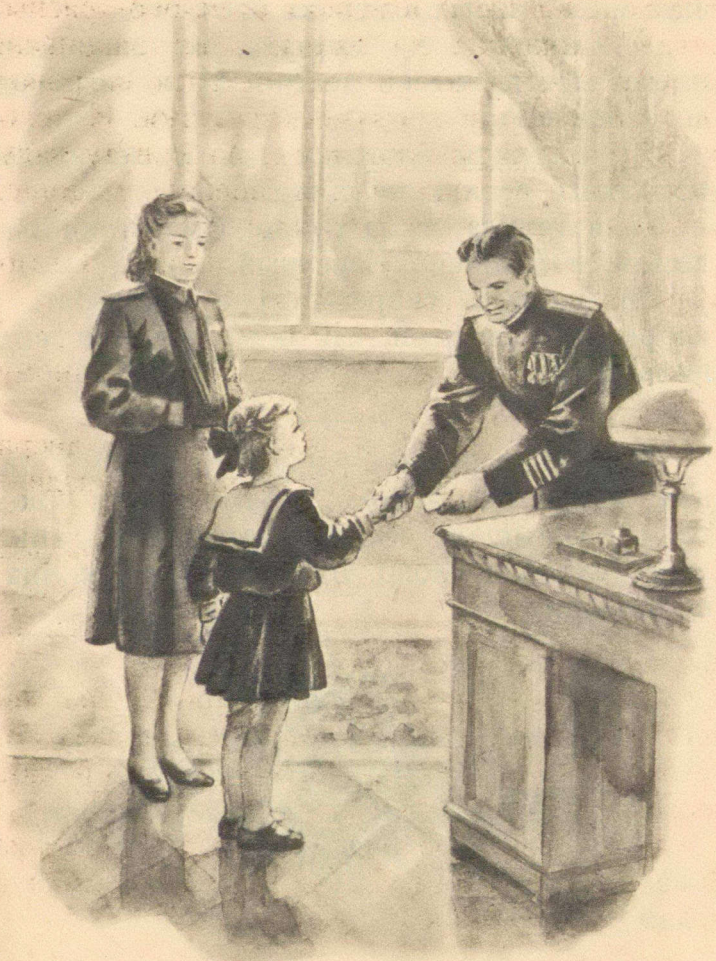
И они обе — мама и Галя — пошли к двери.

2
Впереди шла Галя с коробочкой, сзади — мама с руками в перевязках.

3
Внизу, в подъезде, Галя открыла коробочку. Там был орден Отечественной войны — единственный орден, который передается по наследству детям.

3
У входа их поджидала бабушка. Она увидела мамин орден и громко заплакала. Все прохожие стали на них оглядываться, и мама сказала бабушке:

2
— Мамочка, не надо! Перестань, мамочка! Я ведь не одна. Таких много... Ну, не плачь, право же неудобно!..

2 Тут какая-то пожилая женщина, проходившая мимо, заступилась за бабушку.

2 — Отчего же, — сказала женщина, — конечно, матери очень лестно. И не захочешь, да заплачешь!

2 Но Галиной бабушке так и не удалось поплакать вволю на улице.

2 Галя тянула ее за рукав. Она торопилась домой, в Большой Каретный.

2 Ей хотелось скорее-скорее рассказать во дворе всем ребятам, как и за что они получили орден.

3
4 А так как я тоже живу в Большом Каретном, в том самом доме, в том самом дворе, то и я слышала всю эту историю и записала ее слово в слово, от начала до конца — по порядку.

Цена 1 р. 50 к.